

Александр Эганян

На границе войны

12+

Александр Константинович Эганян

На границе войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51799088

SelfPub; 2020

Аннотация

Случайная встреча может подарить целую историю. Незнакомец, которого встретишь всего раз – окно в другое время, другую реальность. Случайные встречи меняют нас – и в спокойное время, и на изломе судеб. Даже если это встреча с врагом.

Кладбище – это единственное место, буквально насквозь пропитанное скорбью и сожалением. Но при этом это одно из немногих мест в этом мире, где человек остаётся наедине со своими мыслями. Я прихожу сюда каждый месяц на протяжении 8 лет ради одного человека. Моего отца, который погиб в автокатастрофе. Я восхищаюсь его насыщенной жизнью, его блистательными знаниями, но, к сожалению, я это не ценил при жизни. Возможно, каждый человек после смерти близкого ему человека жалеет о том, что что-то не успел ему сказать, что-то не успел у него спросить, да даже просто не успел понять его. Поэтому каждый раз, когда я сюда прихожу, начинаю заводить с ним диалог.

Я сел на плиту, снял свою тёмно-серую шляпу и достал из кармана пачку сигарет. На улице было настолько ветрено, что я не смог зажечь сигарету и решил не стараться прятать её от ветра, который пытается прорваться к сигарете со всех сторон и не дать мне закурить. Буквально в паре десятков метрах от меня остановился пожилой мужчина. Он начал разглядывать меня, пытаясь увидеть во мне знакомого человека. Но мне это показалось. Дедушка наклонился к какой-то могиле, поднял засохшие георгины с плиты и возложил на неё вишнёвые гвоздики. Так он продолжал делать у следующих шести могил. Но мужчина заметил, как я рассматриваю его, и направился ко мне, опершись на железную трость.

– Отец? – спросил он без какого-либо стеснения, посмотрев на плиту папы.

– Да, – не сразу ответил я.

– Вы похожи, – произнёс он с улыбкой, взглянув на портрет, выгравированный на плите.

После этого возникла неловкая пауза, но я решаюсь прервать её.

– А у вас кто?

– О-о-о, да у меня тут целая семья. Ждёт меня, – тут же засмеялся он.

– Сколько вам лет тогда, если не секрет?

– Не секрет, месяц назад исполнилось 87 лет.

– Ого, так вы неплохо выглядите для своего возраста.

– Знаю, все мне так говорят. Но вы ведь не видите, в каком состоянии находится моё здоровье. Я потерял своих родителей, жену, сына, друзей. Я пережил две войны. Это всё сильно повлияло на меня, – дедушка неожиданно задумался в этот момент, а я в это время просто разглядывал его глубокие морщины, уставшие глаза и дрожащие руки.

– Ладно, – сказал я, – мне пора. Может, вам чем-нибудь помочь?

– Да нет, сынок. Не надо, – и я направился в сторону выхода, но, пройдя несколько шагов остановился. На одной из могил, на которую мужчина возложил цветы, не было ни фотографии, ни фамилии, ни даже имени! Только год смерти. "1914". Я не знаю, как долго смотрел на это, но в какой-то момент голос из-за спины отвлёк меня.

– Догадываюсь, почему ты так засмотрелся. – произнёс

старик, подойдя ко мне. – Мне самому жаль, что не узнал его имени при жизни.

– А кто это? – поинтересовался я.

– Ох, если б я сам знал, кто это. Знаю только то, что хороший парень был.

– Почему тогда Вы его похоронили рядом со своей семьёй? – спросив это, у меня появилось такое ощущение, что вопрос был лишним, так как пожилой мужчина поменялся в лице. – Извините, мне не следовало задавать такой вопрос. До свидания.

– Подождите, – произнёс он – всё нормально. Если честно, я и сам не знаю, почему это сделал. Расскажу тебе лучше историю, которая связала меня с ним.

Лето 1914 года в Будапеште было жарким и сухим, особенно для обувщика, который сидел в маленьком павильоне, с трудом пропускающем в себя свежий воздух. Мне было девятнадцать лет, когда был убит Франц Фердинанд, и ровно через месяц меня призвали на службу. Нашей дивизии поставили чёткую задачу – занять сербский фронт, несмотря на слабое техническое оснащение австро-венгерской армии и разрыв на два фронта: восточный (где приходилось бороться с Россией) и южный (с Сербией).

Два месяца мы упорно воевали с сербами, погибли многие мои сослуживцы, с которыми я общался как раз-таки больше всего, а мне всегда удавалось отделаться лёгкими ушибами

и парочкой царапин. Эта война была похожа на перетягивание каната. Сперва мы проводили наступательные операции, которые в большинстве случаев проходили успешно. Потом сербы начинали контратаковать в южной Боснии, но для них это закончилось поражением. После того, как мы вытеснили их с территории Австро-Венгрии, тут же началась операция по завоеванию Белграда, в которой мы взяли в плен несколько сотен сербов.

Вы только себе представьте: девятнадцатилетний парень, взявший первый раз оружие в руки только месяц назад, ведёт около двадцати сербов на базу близ границы. Там были абсолютно разные люди – как мои ровесники, так и довольно-таки взрослые мужики. Я безумно боялся, что кто-то будет сопротивляться и нападёт на меня. Но я тут же остывал, когда наш алезредеш (*в переводе с венгерского оберст-лейтенант) лично проверял каждого сербского военного на наличие оружия. Лёринц Боднар в воинском поприще славился жесткостью, а порой жестокостью как к своим поданным, так и к противниками. В общем, его боялись все, но при этом с Боднаром мы чувствовали абсолютную уверенность и защиту.

Моя задача на ближайший месяц заключалась в наблюдении за пленными в старом доходном доме, которое мы уже обустроили под военный лад. Признаться честно, мне повезло с сербами. На удивление, они вели себя абсолютно спокойно и уравновешенно. Все пленные сербы находились в

разных сырых помещениях. Хотя трудно назвать комнаты два на два метра помещениями. Лёринц продумал все детали. Ни один серб не мог с кем-то начать диалог, так как стены были противозвучными. И даже, если стучать со всей силы по стенке, в соседней ничего не будет слышно. В силу того, что около половины населения сербов знали венгерский язык, мы разговаривали только на немецком.

Спустя пять дней нам привезли ещё несколько пленных. Один из них лежал на носилках с окровавленной головой и стонал с такой тяжестью и так громко, что становилось страшно, ведь я первый раз вижу такую картину. Рядом с ним шёл доктор Кайсер, пытаюсь успокоить серба. Заметив меня, он крикнул:

– Тамаааш, быстро сюда.

Я мгновенно прибежал, и Кайсер второпях начал тракто-вать:

– Бегом набери воду в тазики. Они лежат на чердаке. Я буду ждать в подвале

Спустя 10 минут я уже спускался в подвал с двумя тазиками. Подвал был ужасно холодным и наполненным тёмно-серым цветом. Я тут же отдал всё доктору.

Серб продолжал вопить от боли, а я специально не смотрел на него, так как Кайсер начал разбинтовывать его голову. Я и знать не хотел, что там.

– Выкинь их, – сказал док, отдав мне бинты багрового цве-

та. – А, нет, подожди. Я лучше сам.

– Да мне не сложно, давайте.

– Не в этом дело, – произнёс он, окуная чистые бинты в холодную воду, – Лёринц не должен узнать о нём.

– Почему же? – не понимая, спросил я.

– Он его либо убьёт, – Кайсер сделал небольшую паузу, – либо убьёт. Я с ним работаю уже много времени. И примерно представляю, что у него происходит в голове.

– Но как вы его собираетесь скрыть? Лёринц уже завтра должен приехать с операции.

– Не должен, сербы устроили засаду в лесу. Нашим придётся обходить весь лес. Как минимум два дня у нас есть.

Я впервые устремил свой взгляд на серба. "О Боже", – подумал я. Ему лет 14-15. Как он оказался в сербской армии?

– Молодо выглядит, – произнёс я, – с ним всё будет в порядке?

– Надеюсь, – ответил он с глубокой верой, – но что могу точно сказать – это то, что он оглох на оба уха.

Я промолчал. Он ещё толком не начал жить, но его жизнь уже кардинально изменилась. Причём в далеко не лучшую сторону.

– Могу ли я чем-то ещё помочь?

– Нет, спасибо. Теперь остаётся ждать решение Бога: жить ему или уже нет.

Кайсер был глубоко верующим человеком. В его врачебной палате висели куча икон и репродукций из газет, связан-

ных с религиозной тематикой. Я был уверен в том, что протестанты очень редко молятся, но узнав поближе Кайсера, изменил своё мнение. Помимо того, что он прилагал максимальные усилия к скорейшему выздоровлению серба, он еще и молился за него.

Спустя два дня серб наконец смог самостоятельно встать на ноги. Он не до конца понимал, что происходит. "Почему ко мне относятся с такой заботой", – думал подросток, по крайней мере, выражение его лица говорило об этом. Парень потерял слух, как и сказал в начале Кайсер. Но было странно, что он никак не паниковал и отнёсся к этому с пониманием. Наши диалоги с ним состояли из простейших жестов и кивков головы. Я делился с ним своей едой, чтоб он смог как можно быстрее поправиться.

У меня было огромное желание узнать, почему он отправился на практически верную гибель в таком раннем возрасте. Я пытался узнать это у других сербов в обмен на еду, но толком ничего не выяснил. Один говорил, что у него нет родителей, а практически всех сирот отправляли на войну. Другой говорил совсем обратное, что он вошёл в сербские войска по принуждению родителей. Третий же сказал о том, что он сын какого-то подполковника. И я понял, что ничего не выясню. Когда человек голоден, он готов пойти на любую ложь, лишь бы раздобыть пищу.

Прошли сутки, и парень более-менее пришёл в себя. Кай-

сер сказал, что его необходимо куда-то спрятать, и мне тут же пришла идея о чердаке, в котором хранятся боеприпасы.

– Ты что, сдурел? – крикнул на меня Кайсер, услышав мою мысль. – Думаешь, Лёринц не поднимется туда? Да он же практически не вылезает оттуда, постоянно натирает свои оружия и точит ножи.

– Успокойся. У нас нет другого решения. Там в углу есть оружейный сейф и за ним куча места, чтоб спрятать серба.

– Ладно, – ответил он с некой настороженностью, – давай попробуем. Я пока сообщу тем, кто его увидел, чтоб не докладывали об этом Лёринцу.

– Хорошо. – ответил я и повёл юношу на чердак.

На чердаке было жутко темно, а в воздухе витал запах сгнивших деревянных досок и металлических затворов самозарядных пистолетов. Из кармана я достал фосфорную спичку и зажёл её. Отдав её в руки парню, я начал отодвигать этот тяжеленный шкаф. Затем я забрал спичку обратно и осветил за оружейный сейф.

– Места полно, можешь пролезать. – произнёс я, забыв о том, что он потерял слух. Но, на удивление, он меня понял и начал двигаться за шкаф. Как только он расположился, я задвинул эту “невидимую стену для Лёринца” обратно и спустился к Кайсеру.

– Всё, дело сделано, – произнёс я, – Лёринц его ни за что не заметит. Если он, конечно, не захочет изменить интерьер на чердаке и не начнёт двигать шкафы.

– Отлично. Я поговорил с ребятами, и они дали слово, что не скажут ему ничего. – сказал Кайсер, пытаясь вытереть простыни от крови.

– Ты не против, если я пойду посплю? А то голова раскалывается уже целый день.

– Нет, конечно. Иди. Мне тоже надо немного отдохнуть. Я закрыл за собой дверь палаты и направился во двор. На улице царила полнейшая тишина, даже не скажешь, что в нескольких десятках миль от нас идут сражения. Чёрное небо было усыпано звёздами. Я на секунду примкнул к спокойствию мерцающих светил и осознал полную беззаботность неба, слившись с ним воедино.

Для меня идеальное утро – это открыть глаза на пляже перед только проснувшимся морем, услышав приветствующие крики чаек или же увидеть перед собой завтрак в постель, заколдовывающий своим чудесным ароматом. Но проснулся я, к сожалению, не так.

– Давай вставай, Тамаш. – проорал надо мной Лёринц, – Ты пришёл, чтобы за страну воевать или спать у дома? Пора в лесу делать окопы, сербы могут обойти нас тыльной стороной, так что надо быть готовым ко всему. Собери людей и бегом выполнять моё поручение.

Быстро встав с “земляной кровати”, я ускоренным темпом направился к сослуживцам. Буквально через пять минут все были уже готовы выдвинуться в лес.

Деревья не спасали от свирепствующей жары, которая была неожиданностью для всех нас. Климат в Венгрии был умеренным и идеальным для любой жизнедеятельности, но этот день я запомнил навсегда. По ощущениям, перевалило за соток градусов. Разумеется, мы все сняли свои мундиры, некоторые даже и брюки, но мне было абсолютно всё равно, так как прекрасно понимал тяжелую ситуацию. Благо, что почва была плодородной, и довольно-таки легко было копать. С небольшими перекурами, свою работу мы закончили только тогда, когда оранжевый диск опустился ближе к горизонту и начал расплываться. Обратно мы уже шли настолько уставшими, что мои ровесники готовы были уснуть прямо в чаще, но, к счастью, удалось их вразумить, и в скором времени мы оказались в казарме. Я помылся, привычно уложившись в две минуты под ледяной водой из бочки – о горячем душе здесь можно было разве что мечтать.

– Просыпайся, просыпайся, – прошептал мне на ухо Кайсер, и я с трудом приподнял свои веки, – нужно поговорить.

– Я весь внимание, – промямлил я.

– Нет, не тут. Одевайся, я тебя буду ждать на улице.

Немного полежав в постели, я смог преодолеть себя и накинув мундир, висевший рядом на стуле, вышел на улицу.

Прямо на траве сидел Кайсер, смотря томным взглядом на звёзды. Он не сразу начал диалог, когда я подсел к нему. Возможно, подбирая какую-либо правильную фразу.

– В общем, – на глубоком вздохе Кайсер открыл диалог, – сегодня днём, когда вы ушли в лес, в мою палату зашёл Лёринц. В этот момент меня там не было, но когда пришёл, увидел Лёринца, копавшегося в моих шкафчиках. Он сказал, что искал морфий, чтобы сделать укол в бедро. До этого я ему практический каждый день колол в ногу, так как ещё перед войной какой-то солдат при стрельбе в мишень каким-то образом умудрился случайно выстрелить в Лёринца чуть выше колена. – я слегка ухмыльнулся, но при этом продолжал слушать Кайсера. Но не об этом сейчас. Я сделал ему этот укол, а после он полез в шкафчик стола и достал зеленова-то-коричневый мундир, практически весь запачканный кровью. Боднар спросил: “Что эта сербская дрянь делает у тебя?”, а я смог как-то изловчиться и сказать, что мне это нужно для перемотки ран, так как медикаментов и даже бинтов всё равно не хватает. Хорошо, что боль в ноге у него еще не притихла, и он, прихрамывая на одну ногу, пошёл к себе.

– Как вы могли оставить его форму у себя? Вы ж должны были выкинуть всё. – сказал я Кайсеру. – Надеюсь, наутро он уже забудет об этом.

– Я тоже, – выжидательно ответил Кайсер. – Знаешь, что я больше всего ненавижу на этой планете.

– Эммм, – промычал я, так как чувство сонливости меня ещё не покинуло, -не знаю.

– Войны. – ответил с холодной интонацией Кайсер, не отрывая взгляд от небосвода. – Люди начинают безумствовать,

они тут же меняют свой облик, забывают о всех принципах, о гуманности. Я начал работать врачом во время войны против французов и видел глаза этих безумцев, обожавших идеи Бисмарка и готовых сделать всё ради победы. Да, мы выиграли войну, но мы потеряли сотни тысяч судеб. И я еще не говорю о смертях, а говорю о почерневших душах. Эти люди инволюционируют во всё. Человек, однажды убив другого человека, остаётся с пятном в нутре, которое будет увеличиваться с каждым следующим убийством. Палец, зажатый на курке, не означает превосходство, а означает бессилие в мышлении. Ладно, нам уже пора, а то ещё Лёринц захочет выйти на прогулку. – последнюю фразу он произнёс с улыбкой.

– Я попозже пойду, еще посижу немного, – ответил я, и Кайсер отправился внутрь.

Утро, как обычно, начинается с крика. И это был не крик петуха, и не крик пролетающих птиц в только что проснувшемся небе. Это был крик Лёринца.

– Подъём, вставайте. Вы должны вставать раньше, чем я. Те, кто приподнимался нехотя, тут же отхватывал от Лёринца. Важно отметить, его удар был настолько сильным, что отметины до вечера пламенели на коже.

Выйдя на построение, Лёринц встал прямо передо мной и заговорил.

– Парни, сегодня ночью будет важное задание для всех

нас. Значит, так, первая группа, – он перечислил ровно десять человек и меня в том числе, – отправится со мной на юго-восток, вглубь леса. Вторая группа, – ровно также назвал десять фамилий, – будут сидеть в окопах. Третья и четвёртая группа пойдет по флангам. Остальные, кого я не назвал, останутся тут, с пленными. Парни, сегодня абсолютно все возьмите себя в руки и подготовьтесь к завтрашнему дню. На кону наши жизни.

Все внимательно слушали речь Лёринца, и было видно по их глазам, что они воодушевились. Они так долго ждали этого момента, когда им дадут задание. Но, к сожалению, они не понимают, что это далеко не забава. И их глаза перестанут гореть таким пламенем. Их взгляды потушит ураганный ветер отчаяния и скорби.

После того, как Лёринц закончил, мы все отправились на завтрак. На удивление, наш повар не пожадничал и вместо одного маленького куска хлеба, на столе у каждой тарелки с кашей было по два таких кусочка. Возможно, это последний завтрак у кого-то, а может, и у всех. Сослуживцы приступили к еде, но я отстранился от них и съел только один кусок хлеба.

– Ты чего, не будешь? Давай мне, – произнёс Йорген с полным ртом каши.

– Я попозже съем, пока не голоден, – ответил я и Йорген посмотрел на меня довольно-таки странным взором, но всё же повторно накинулся на свою тарелку с овсянкой.

Когда все поели и разошлись, я взял кашу с хлебом и, незаметно проскользнув мимо сослуживцев, поднялся на чердак. Плотно закрыв за собой дверь, я направился к сербу. Пусто. Подойдя к шкафу, начал его отодвигать и увидел его. Он сидел полулёжа и спал, при том, что места для его роста было достаточно, чтобы выпрямить ноги. Я легонько постучал по плечу, и он ошеломлённо вздёрнулся. Секунд двадцать мы еще смотрели друг на друга, словно играли в игру “Кто первый моргнёт”. В итоге я решил не мучать его и отдал кашу с куском пшеничного хлеба. Тот еще раз взглянул на меня и кивнул, я так понял, что он хотел сказать спасибо, и принялся за пищу. Его маленькие глаза с осторожностью бегали по чердаку, выражая лёгкую растерянность.

Когда он доскрёб свой завтрак, я быстренько взял из рук тарелку и спрятал под его ногами, отодвинул обратно шкаф и пошёл к двери. На всякий случай я оглянулся, чтоб убедиться в том, что мальчика не видно. Как только я закрыл за собой дверь в чердак, снизу донёсся голос.

– Эй, Тамаш. Ты чего там делаешь? – спросил Лёринц.

– Да я так... проверить готовность оружия, – неуверенно произнёс я.

– Да? Ну и как? Всё готово?

– Эмм... да.

– Отлично. Молодец, что сам додумался до этого, и мне не пришлось об этом говорить. Теперь пойди на улицу, помоги ребятам в кое-чём.

Я быстро сбежал со ступенек вниз и вышел во двор. Возле нашего доходного дома стояли Хельмут, Александр и обжора – Йорген. Самый адекватный из них – был Александр. В первые дни он подсказывал мне, как правильно маршировать, как приводить в порядок брюки без утюга, как быстро собираться, и много других навыков, за что я ему был благодарен.

– Чем помочь, парни? – спросил я, подойдя к ним ближе.

– Если хочешь, можешь мои берцы почистить. – ответил Хельмут, и все втроем заржали, а я сделал вид, будто не услышал.

– Лёринц меня отпра... – не успев закончить слово, с дома мы услышали гулкий выстрел и побежали на звук. Все уже собрались в одном месте и удивлённо смотрели в пространство открытой двери на чердаке. Оттуда вышел Лёринц, держа в левой руке Штайр Манлихер (* самозарядный пистолет австро-венгерской армии). Он остановился на середине лестнице и пустил на нас свой холодный и страшный взгляд. Я растолкал сослуживцев и рванул в его сторону.

– Ты думаешь, что я совсем полоумный? Запомни, никто и никогда ещё не смог меня обмануть. – сказал Лёринц, остановив меня, но я всё равно оттолкнул его и смог добежать до чердака. – Тело выкиньте куда-нибудь в лес. – крикнул вниз Лёринц.

С колотящимся сердцем я зашёл на чердак. Шкаф был немного отодвинут, и я его полностью развернул ближе к ле-

вой стене. Кровь лилась из его груди и образовывала небольшую лужу. Глаза его были закрыты. Пульс отсутствовал, но я ещё пытался вернуть его к жизни. Всё тщетно. Я схватился за голову и начал просто орать во весь голос. Под звон тишины я всё смотрел и смотрел на окровавленного мальчишку, от которого меня оттаскивали, а потом вырвался из рук и побежал вниз, ничего не видя под ногами. Лёринца не заметно, скорее всего, он в своём кабинете, и я устремился напрямик туда. Без стука и разрешения я открыл дверь и начал кричать на сидящего в кресле Лёринца.

– Что вы натворили? Вы хоть знаете, сколько ему лет?

– Мне плевать, Тамаш, как и теперь на тебя. Иди готовься к завтрашнему дню. -хладнокровно произнёс он и громко позвал Хельмута. Тот, будто ждал у двери, буквально через пару секунд оказался в кабинете.

– Отведи его подышать на свежий воздух. А то он, видимо, скоро в сербскую армию вступит. – расплывшись в кресле, произнёс Лёринц.

– Принято. – ответил Хельмунт и, взяв меня крепко за руки, вывел за дверь.

Оказавшись на улице, он меня отпустил и начал говорить:

– Послушай, ты не должен перечить Лёринцу. Я хоть и сам сейчас пребываю в шоке, но он наш командующий. Пойми ты это.

– Нет, это ты не понимаешь меня. Став оберст-лейтенантом, он решил снять с себя полномочия человека? – косвен-

но обратился я к Хельмунту и зашёл обратно в дом.

Парни накрыли серба какой-то тканью и потащили вниз. Когда я к ним подошёл, они с некой горечью в глазах смотрели на меня.

– Ребята, отдохните. Я сам отнесу его. – пробормотал я, не отрывая взгляд от лица серба.

– Давай я тебе помогу, – предложил Александр, и я молча кивнул в ответ.

Взяв лопату с подвала, мы понесли тело в сторону леса.

Дедушка закончил свой рассказ, который я слушал около часа. И вот он просто засмотрелся в пустоту, видимо, вспоминая те дни. В его глазах читал некоторое смятение, но я всё же решил спросить.

– А как вы смогли захоронить его на этом кладбище?

Он ещё смотрел в никуда и только через несколько секунд смог ответить.

– Вместе с Александром мы выкопали довольно-таки глубокую яму у одного дерева, на которое мы прикрепили кусок ткани, чтоб после войны перезахоронить тело. Положив мальчишку в землю, я решил для себя, что нужно уходить. И поздно ночью, собрав все свои вещи, я ушел, оставив записку у двери. Я никому не говорил о своём плане, и никто, наверное, и не подозревал о моём уходе. Даже Кайсеру, который стал мне как отцом.

– Что за записка? – прервав речь мужчины, спросил я

– Для Лёринца. Надеюсь, что он прочитал. В ней я написал – “ Дорогой лейтенант, я ушел. Можете не искать меня, так как я решил для себя помогать людям, а не убивать их. Если Вы думаете, что я вас предал, то вы ошибаетесь, скорее всего, это Вы предали свой рассудок окончательно, когда убили беззащитного серба. Всего хорошего”.

Я никак не прокомментировал это, и ещё долго мы вместе смотрели на эту плиту без имени.